

Линху Фэн завершил этот шов и поднялся, чтобы перейти к следующему. Сам того не заметив, он повернул голову в поисках фигурки того паренька — Лоу Цинкуна, — и в конце концов увидел, что тот понуро, опустив голову, сидит среди раненых, словно брошенная хозяином большая собака. Уголки губ Линху Фэна тут же невольно дрогнули в мимолетной едва заметной улыбке, а в глазах проступило такое расслабление, которого он сам не осознавал, и та самая мягкая улыбка, что всегда появлялась при виде этого человека.

Возможно, Линху Фэн и сам понимал, что для него Лоу Цинкун — первый непохожий на других главный герой. Никто другой так естественно не подносил ему, своему наставнику, передававшему ему знания, чай и воду, не обмахивал веером и не утирал пот; никто другой из-за какого-нибудь его случайного слова не начинал втайне проводить бесчисленные эксперименты, а затем не подносил успешный результат на обеих руках прямо к его ногам, принося цзяохуа-цзи.

И среди других главных героев не было никого, кто так глупо и просто угождал бы ему, своему Наставнику, исключительно из желания, чтобы тот был доволен и счастлив, а вовсе не из расчета заполучить как можно больше лучших боевых искусств, ментальных техник, тайных мастерств и знаний...

Линху Фэн знал: если он к этому привыкнет, то впоследствии ему наверняка потребуется очень много времени на адаптацию, и даже в следующем мире, если ему снова придется играть роль наставника главного героя, он невольно начнет сравнивать его с Лоу Цинкуном, из-за чего в итоге закономерно проиграет в сравнении, что подорвет его настроение и эффективность наставнической работы.

Впрочем, Линху Фэн думал о том, что ему ведь осталось всего одно пятизвездочное оценивание до смены группы, и в будущем на стороне Шэна ему будет весьма выгодно, так что волноваться не стоило.

К тому же...

Линху Фэн был вынужден, положив руку на сердце, признать, что он все-таки погрузился в созданный учеником быт. И даже в какой-то мере предавался гедонистическому наслаждению жизнью, совершенно забыв о возвращении.

Эх, поистине прекрасная и безмятежная жизнь сильнее всего развращает человеческие помыслы!

Линху Фэн слегка вздохнул по поводу своей нынешней сладостной жизни, а затем заглянул в будущее — в те неприятные дни, когда он лишится своего послушного ученика Лоу Цинкуна, и ощутил легкую растерянность и меланхолию. Впрочем, Линху Фэн издавна привык к тому, что для душевного спокойствия ему достаточно всего лишь от души наесться мяса, поэтому он тут же представил, как после смены группы будет разгуливать по улицам: с флягой вина в руке, вгрызаясь в куриную ножку, извалявшись с ног до головы в грязи, завязав волосы в сколько угодно узлов, — совершенно вольно и безудержно, ничуть не заботясь о том, соответствует ли

это его образу, высок ли он холоден, каков его темперамент и считается ли он главным героем; непринужденно и раскованно шагая по улице, задерживая прохожих, чтобы вытереть о их одежды жирные руки, а затем небрежно бросая им трактат о непревзойденных боевых искусствах, выполняет задание, исчезает и отправляется на поиски новых деликатесов...

Черт возьми, это было просто невероятно восхитительно! Предвкушая, что прекрасные дни еще впереди, Линху Фэн изо всех сил старался не обращать внимания на то странное и неприятное ощущение в груди, с бесстрастным лицом присел на корточки и продолжил накладывать швы.

Линху Фэн не замечал собственного особого отношения к Лоу Цинкуну, зато Лао Байвэй, который неотрывно и безумно следил за ним все это время, заметил его мимолетную улыбку, а также то, как его обычно ледяной взгляд, обращенный в ту сторону, на мгновение наполнился непередаваемой, но бросающейся в глаза мягкой нежностью. Если бы подобное проявил кто-то другой, это, пожалуй, еще можно было бы счесть за норму, но ведь речь шла о Линху Фэне, всегда держащемся высокомерно и холодно, с отстраненным темпераментом, который демонстрировал совершенно иную, ни на что не похожую сторону перед другим мужчиной! В сердце у этого демонического безумца Лао Байвэя внезапно всколыхнулась дикая ярость, и его глаза, только что казавшиеся тихими, мгновенно стали мрачными и ледяными.

В этот момент в Лао Байвэе, полностью лишенном здравого рассудка, теплилось лишь две вещи: навязчивая идея — Линху Фэн, и враг, который смеет посягать на эту навязчивую идею — Линху Фэна.

К тому же, поскольку ранее он уже всей душой желал смерти главного героя Лоу Цинкуна, теперь это намерение воспользоваться любой возможностью и окончательно покончить с соперником лишь еще сильнее укрепилось. Если поначалу Лао Байвэем двигала лишь жестокость на словах, остававшаяся на уровне планов и фантазий, то теперь этот безумец Лао переполнился кровавыми идеями и с величайшим удовольствием готов был перейти от слов к делу.

Раньше он боялся крови и страшился убийств, но теперь, ради единственной опоры и навязчивой идеи в своем сумеречном мире, он был готов даже к самоистязанию — и глазом бы не моргнул.

Из-за того, что число погибших составляло примерно половину населения деревни, вплоть до следующего дня, когда Линху Фэн и остальные попрощались и ушли, в некоторых домах еще не успели предать земле тела родных.

Перед отъездом деревенский староста отвел Линху Фэна и Лоу Цинкуна в сторонку и поговорил с ними. После этой беседы Лю Шия, которая изначально собиралась вернуться в Эмэй, изменила свои планы и решила отправиться в путь вместе с отрядом Лоу Цинкуна, направлявшимся в Наньчэн, где располагался дом семьи Лоу.

Как оказалось, Горная усадьба Справедливости, где жил лидер союза, находилась как раз в пригороде Наньчэня. Староста поначалу переживал, что дочери будет небезопасно в одиночку

с картой добираться до Эмэя, и надеялся попросить о защите столь искусного в боевых искусствах мастера, как Линху Фэн, и благородного межевого рыцаря — молодого господина Лоу Цинкуна. Но узнав, что Лоу Цинкун направляется как раз в тот самый город, где пребывает лидер союза, старейшина понял, что это не только не помешает путешествию юного героя, но и позволит его дочери как можно скорее вырваться из опасной зоны. После того как дочь пообещала написать письмо и оповестить главу секты, старый староста решительно хлопнул по столу и велел дочери лично доставить карту лидеру союза.

Если бы удалось пораньше искоренить Демоническую секту, жителям Деревни семьи Лю больше не пришлось бы жить в страхе и трепете перед местью ее злодеев.

После случившегося уездная управа прислала лишь какого-то чиновника, который осмотрел место и занес дело в архивы, однако у властей не было ни малейшей возможности всерьез расследовать дела Демонической секты. Крестьяне же были привязаны к земле: мало того, что люди издревле ценили свой дом и не желали покидать обжитые места, так даже если бы кто-то и захотел уйти, одна только волокита с оформлением бумаг заняла бы полгода — к тому моменту бежать было бы уже поздно.

В итоге отряд двинулся на север. По пути они миновали несколько небольших городков и три города среднего размера, пока спустя месяц тяжелого пути по горам и рекам наконец не добрались до Наньчэня — самого процветающего города в Центрально-Южном регионе.

По прибытии в Наньчэн Лоу Цинкун не планировал сразу возвращаться в поместье семьи Лоу. Он поселился вместе со своим Наставником в особняке, который А Цзю заблаговременно подготовил, прибыв в Наньчэн раньше остальных. Молодой господин собирался на следующий день навестить семью мужа своей сестры, переговорить с ней, затем заглянуть к бабушке, чтобы успокоить ее вестью о своем благополучии, а после — остаться за спиной Наставника тихим маленьким хвостом.

Лоу Цинкун не знал истинного происхождения своей матери и был осведомлен лишь о том, что с самого детства семья бабушки относилась к нему несколько странно: не как к младшему родственнику, а скорее с еще большим почтением и смирением. Поэтому, хотя у него оставались всего три близких человека — сестра, бабушка и дядя, — Лоу Цинкун был близок лишь с сестрой, в то время как визиты к родственникам со стороны матери неизменно оставляли у него на душе пресный осадок.

Стоило Лао Байвэю войти в город, как он без малейших колебаний попытался под предлогом благодарности за спасение насильно затащить Линху Фэна погостить в поместье Лао, но получив отказ, тут же напрямую последовал за ними и заселился в тот же особняк. Неужели это было четким сигналом о том, что он собирается висеть камнем на шее его Наставника до конца своих дней?!

При виде этого Лоу Цинкун пришел в крайнее раздражение. Впрочем, уже вскоре он с фальшивой улыбкой на лице махал рукой, провожая Лао Байвэя, уходившего со смущенным лицом и мрачным взглядом. Оказалось, что едва их отряд ступил на землю Наньчэня, как кто-то из знакомых Лао Байвэя, заметившего молодого господина семьи Лао, тут же побежал

докладывать. В результате Лао Байвэй, не успевший даже толком присесть на стуле, был забран отцом, который примчался по весточке в слезах радости. Лао Байвэй был единственным долгожданным сыном, которого глава семьи Лао дождался лишь на сороковом году жизни, после одиннадцати подряд родившихся у него дочерей. Три года назад, когда Лао Байвэй сорвался со скалы, глава семьи чуть было не слег в могилу от горя; к счастью, тела не нашли, и чтобы утешить пожилую жену, отец сулил огромные деньги всякому, кто отыщет его сына. Теперь же, добившись желаемого и увидев изрядно повзрослевшего юношу, глава семьи был готов буквально расцеловать землю у него под ногами — разве стал бы он обращать внимание на то, что его сын из лихого и романтического молодого господина превратился в столь угрюмого и раздражительного человека со зловещим взглядом?

— Ой, молодой господин Лао, вам непременно стоит побыть дома и уделить больше времени родителям — посмотрите только, как ваш батюшка рад вашему возвращению! — подумала про себя Лоу Цинкун, искренне надеясь, что тот больше никогда в жизни не покажется на глаза его Наставнику!

В чрезвычайно приподнятом настроении Лоу Цинкун взмахнул рукавами, расправил узкие манжеты с завязками, заложил руки за спину, гордо задрал подбородок и шагнул в ворота двора. Добравшись до лестницы главного зала, он мгновенно перевоплотился в услужливого лакея: с улыбкой вбежал внутрь, закрутился вокруг восседающего в кресле старшего наставника Линху Фэна, принявшись подносить чай, наливать воду и демонстрировать небывалую мягкость. От этой картины у Лю Шия, которая только что выбрала себе комнату и велела слугам навести там порядок, снова мурашки побежали по коже — удержаться не получилось.

Впрочем, удивление Лю Шия было лишь сиюминутным. Заметив, что даже А Цзю, приставленный непосредственно к господину Линху, совершенно спокойно уступает сопернику место и отходит в сторону, а вскоре и вовсе исчезает из виду, полностью переложив заботы о Линху Фэне на Лоу Цинкуна, она лишь убедилась в том, что сам Лоу Цинкун с сияющей улыбкой взял на себя все эти обязанности целиком и полностью. Впоследствии, по мере дальнейшего пути, они постепенно привыкли к этому. Наблюдая за невыразимым взаимопониманием между Линху Фэном и Лоу Цинкуном, Лю Шия даже подумала, что так было всегда, и лишь мысленно восхитилась тем, как невероятно обаятелен молодой господин Линху.

Взрослый мужчина, словно какая-нибудь собака, высунув язык, по собственной воле крутится вокруг него, преданно ухаживая: три раза в день готовит еду, подает чай и воду, стирает одежду, застилает постель, помогает купаться и трет спину, да еще и целыми днями ходит с улыбкой на лице — неужели это и есть то самое личное обаяние, о котором вечно твердят старшие соученицы?!

Подумав о том, что она может находиться рядом со столь выдающимся человеком, который к тому же на протяжении всей дороги то и дело специально [поручал ученику] заботиться о ней, Лю Шия, погруженная в свои мысли, подняла взгляд и случайно встретилась с холодными глазами Линху Фэна. Ее прекрасное, подобное цветку лотоса лицо вновь залилось двумя румянцами, в глазах засияли нежные чувства, а каждое движение и шаг сами собой стали мягче по меньшей мере в несколько раз.

Тем временем Лоу Цинкун, который как раз обдумывал меню на ужин и собирался лично встать к плите, чтобы покормить Наставника и продолжить претворять в жизнь план «захватить желудок Наставника», увидел, что стоило Лю Шия появиться, как Наставник снова переключил на нее свое внимание. Не помогла даже утка «Пьяный лотос» — она оказалась не в силах привлечь и удержать внимание Наставника. Лоу Цинкун перевел взгляд и свирепо уставился на эту отвратительную женщину с лисьими повадками, от которых за версту разило дешевым кокетством, а любые движения казались крайне непристойными. От злости у него даже зубы зачесались.

Линху Фэн, отведя глаза, тут же заметил, что Лоу Цинкун во все глаза пялится на Лю Шия, а на лице у него застыло такое выражение, будто он готов прямо сейчас броситься на нее и сожрать живьем — типичный недотрах, ей-богу.

И правда, неужели раньше они не предавались любовным утехам лишь потому, что были в дороге и это было неудобно? Стоило только обосноваться на новом месте, как он тут же продемонстрировал столь нетерпеливый нрав. И это после того, как он же сам не так давно сокрушался, что главный герой уж слишком холоден к своему первому цветку сливы, и, невзирая на рамки должностных обязанностей, раз за разом создавал ему возможности для сближения с этой девушкой! Линху Фэн в мыслях подшучивал над неудовлетворенным желанием главного героя, но в то же время чувствовал в душе какое-то странное, смутное беспокойство. Раньше этот парень хорошо относился только к нему — своему Наставнику, неужели теперь, обзаведясь цветами сливы с первого по третий, он окончательно забросит Наставника и со всеми удобствами улетучится в самую гущу этих цветочных зарослей?..

И впрямь не стоило питать к нему каких-то особых чувств! Линху Фэн слегка приуныл и принялся насильно заставлять себя вспоминать прошлые модели поведения при общении с подопечными главными героями за несколько сотен лет, пытаясь хладнокровно вернуть свои преждевременно свернувшие в сторону чувства в прежнее русло.

Неужели это те самые чрезвычайно опасные ситуации уровня SSS, о которых предупреждали товарищи по команде из числа старших? Для таких попадаванцев-исполнителей, как они, сошедшие с рельсов чувства — поистине самая страшная вещь на свете! Линху Фэн, который за несколько веков никогда еще не позволял себе увлекаться кем-либо, кроме еды, впервые в жизни прозрел и теперь смутно начал понимать мысли тех коллег, старших и новичков, что с отрешенными лицами произносили подобные речи.

В памяти всплыло, как некоторые старшие из-за слишком глубокой привязанности к объекту задания навечно оставались в чужих мирах, а иные новички влюблялись в главных героев, в конце концов оставаясь ни с чем, и кончали жизнь самоубийством от безысходности.

Волей-неволей Линху Фэн вспомнил один случай, когда во время выполнения задания в мире бессмертных культиваторов он встретил бывшую коллегу по группе. Ее глаза были мертвыми, а лицо оцепенелым — в ней не осталось и следа той раскованной и дерзкой легкости, с которой она когда-то ради любви отреклась от вечной жизни и решительно прередила организацию. Позже он узнал правду: оказывается, мужчина, в которого она влюбилась, завел гарем невероятных масштабов. Для нее этот мужчина был всем, в то время как для него она оказалась лишь одной из бесчисленных изнеженных красавиц в его гареме. Хотя впоследствии

она, движимая горькой обидой, тщательно всё спланировала и превратила этого мужика в бывшего Сына Удачи, которому было суждено пасть под ногами нынешнего любимчика судьбы — того самого, которого предстояло поддерживать Линху Фэну, сама она уже давным-давно потеряла собственную душу.

Ой-ей... Припомнив безумную ненависть и тоскливую привязанность в глазах той женщины, Линху Фэн все же невольно передернул плечами от легкой дрожи: с чего это он вдруг на ровном месте стал размышлять о всяких безумцах, помешанных на любви? Подумать только, ведь у него самого к этому парню Лоу Цинкуну есть лишь самая малость-малость-малость чувств, и то исключительно потому, что тот оказался первым встреченным им человеком с настолько великолепными кулинарными навыками, к тому же невероятно послушным, покладистым и постоянно попадающим во все его заветные точки, отчего жизнь становится просто невероятно кайфовой, разве не так?

Линху Фэн и сам испугался собственных фантазий, поэтому быстренько схватил чашку с чаем и сделал большой глоток, чтобы успокоить нервы. Вот только пил он слишком торопливо, поперхнулся воздухом, и в горле тут же нестерпимо запершило. Опасаясь, что своим кашлем он помешает главному герою и его цветку сливы нежно и трепетно смотреть друг другу в глаза, Линху Фэн чуть отвернулся, прикрыл рот рукой и сдержался так сильно, что на глазах от напряжения выступили слезы.

Да он же сам себя едва до слез не растрогал, ей-богу!

Ему ведь по должности положено лишь прокачивать золотые пальцы для способностей самого главного героя, а всякие там романтические линии и цветы сливы вообще не его забота! Эх, всё-таки он слишком сентиментален. Ради Лоу Цинкуна — парня, который так удачно пришелся ему по вкусу и к тому же должен стать последним главным героем в его миссии по роли холодного и отрешенного Наставника, — он выкладывается по полной.

Ладно, раз уж на то пошло... Линху Фэн подумал: ладно уж, в конце концов, это его последнее обучение ученика-главного героя, так что он может с барского плеча признать в нем своего друга!

М-да, если расставлять приоритеты по степени важности, то этого друга он поставит сразу после еды!

Подумать только, он ставит какого-то друга из иного мира выше старост групп, начальников отделов и чэнсянов [прозвище коллег по команде]! Эй, главный герой, ну-ка быстренько отвесь своему Наставнику тридцать два комплимента! [((□□▽□)→))*□▽□*)о-тык!

Тем временем Лоу Цинкун ни сном ни духом не ведал, что его свирепое выражение лица с жаждой разорвать Лю Шия на куски возлюбленный уже истолковал совершенно иначе — как жгучее желание наброситься на него и заняться всякими непотребствами, которые подверглись бы цензуре. Знай он об этом, неизвестно еще, сколько времени главный герой отирал бы круги вокруг собственного Наставника с уныло-обиженной физиономией.

И хотя Лоу Цинкун яростно метал убийственные молнии взглядом по принципу «я убью тебя взглядом, маленькая шлюшка», зародившаяся в нем за долгие годы просто извращенная, фанатичная привычка следить за каждым вздохом Линху Фэна позволила ему мгновенно заметить неладное с возлюбленным. Он тут же отбросил мысленно убитую уже раз девятьсот Лю Шия, с тревожно вытянутой шеей уставился на Наставника и нос к носу столкнулся с повернувшей назад головой, заплаканными и слегка покрасневшими по краям глазами...

О, этот Наставник... так и хочется безжалостно растерзать его...

Грубо разорвать его тонкие белые одежды, обнажая две алые бусинки на груди, дрожащие на прохладном воздухе, связать его отчаянно сопротивляющиеся руки куском ткани, сжимать до красноты его запястья, когда он бьется в попытках освободиться...

Кончиком языка очертить изящный завиток его ушной раковины, а затем проникнуть в чувствительный слуховой проход, исследуя и дразня изнутри...

Впитаться зубами в самую уязвимую сонную артерию на его открытой при запрокинутой голове шее и, полностью подчинив себе его тело и разум, крепко обхватить за точеную, гибкую талию, совершить мощный, неистовый толчок, наплевав на всю хрупкость того, кто познает любовь впервые, и вонзиться до самого сокровенного дна его существа, заставляя лежащего внизу поддаваться каждому его движению в невольном раскачивании, вытягивая из тех искусанных до багровой припухлости губ — обычно столь сдержанно и тонко сжатых — звуки чарующих, томительных стонов и высоких вздохов...

Перевернуть его на живот и прижать к ложу спиной вверх, оставляя губами и зубами гирлянды роскошных следов на его рельефной, гладкой спине, а под конец припасть зубами к тем белоснежным, мягким ягодицам, разминая их пальцами и являя взору соколовища того истоптанного им до красноты потаенного грота...

Линху Фэн, повернув голову и заметив, что главный герой наконец закончил переглядываться со своим цветком сливы, больше не стал сдерживаться. Опустив ресницы и стряхивая слезинки, он прикрыл рот рукой и сдержанно, глухо закашлялся, и лишь после этого ему стало легче.

Лю Шия видела, что обычно непреклонный и хрупкий молодой господин Линху издал этот нежный, тихий кашель, в то время как Лоу Цинкун, всегда так безупречно и всесторонне заботившийся о нем, почему-то застыл с отрешенным лицом и странным [источающим волны] выражением, не бросившись в ту же секунду похлопать по спинке и подать чаю. Девушка тут же просияла, с ароматом духов вспорхнула легкой поступью к самому боку Линху Фэна, протянула руку, легонько похлопала его по спине, участливо осведомилась о самочувствии и протянула чашку чаю, чтобы промочить горло.

— Молодой господин Линху, вам лучше? — Лю Шия от природы принадлежала к числу изнеженно-чарующих созданий, а сейчас, когда она изо всех сил старалась проявить нежность и мягкость перед возлюбленным, ее голос стал еще более вкрадчивым и певучим.

Но почему-то Линху Фэн почувствовал себя крайне неудобно. От этих заботливых слов по его спине пробежали мурашки, а спина, которую так мягко поглаживала девица — цветок сливы номер один, вдруг зачесалась самым странным образом.

Линху Фэн мысленно выругал себя за нечувствительность: в конце концов, юная леди старается угодить ему — Наставнику главного героя по принципу «один раз стал учителем — на всю жизнь остался отцом», закладывая фундамент для своего будущего триумфа в качестве главной возлюбленной первого ранга у героя! [_(3<)_]

<http://bllate.org/book/21694/2237556>